

Мастер Калущкий

Если послушать Никиту Егоровича, то все совершилось необычайно легко, словно по маговому волшебной палочки.

— Сказали сделать, — ну и сделал. Не я, так другой... Какое же тут героическое. Самое обыкновенное дело.

Есть у нас тысячи людей, простых, незаметных. О себе они обычно говорят очень скупое, сдержанно. Настоящие мастера своей профессии, они к тому же удивительно скромны. Таков и Никита Егорович Калущкий. За его плечами — 59 годов, из них 30 он беспрерывно работает мастером воздушной сети курского трампарка.

В каждый метр воздушного провода вложена частичка его труда. Он знал каждый километр воздушной трассы, ревниво следил за ней, изучал. Когда наступала ночь и в городе замирала жизнь, он носился по безлюдным улицам на аварийной машине, проверял подозрительные участки, исправляя все, что требовало ремонта.

Так незаметно в постоянной работе, в постоянной тревоге за большое хозяйство проходил день за днем.

Потом грянула война. В город пришел немец. И все, что на протяжении трех десятков лет создавали руки мастера, было разорено. Уныло маячили оголенные мачты воздушной сети, и кажется никто с такой невыразимой болью не смотрел на них, как старый мастер.

Когда Курск освободила Красная Армия, Никита Егорович пришел в трампарк.

Там старому мастеру сказали: — Надо, отец, восстанавливать сеть.

— Ну, что же, будем начинать, — просто ответил Никита Егорович.

Он ни словом не заикнулся о том, что нет провода, арматуры, нет самых пустяковых деталей, без которых нечего и было думать о восстановлении многокилометровой воздушной сети. Никита Егорович взял себе в помощники бойкого, толкового паренька — Виктора Мишука, бывшего работника охраны трампарка Ивана Болдырева, а потом еще одного ученика — Владимира Шуклина. И вот, словно крохоты, они рылись в мусорных кузах, по дворам, собирали куски уцелевших проводов, сваривали их, отыскивали детали, все, что можно было в какой-то мере пустить в дело.

— Пустое затеял, старик, — говорили скептики. — Разве можно

из кусочков собирать воздушную сеть, дуги будут ломаться. Ничего, брат, у тебя не выйдет.

— Цыплят по осени считают, — неизменно, с добродушной улыбкой отвечал Никита Егорович и продолжал свое дело. — Из кусочков, а соберем, хоть на веревках, а поедом.

И вот, наконец, настал долгожданный день. Из ворот депо вышел первый пробный газик трамвая. Он шел по путям тихо, осторожно, словно слепой за поводырем. Все сошло хорошо. В этот день Никита Егорович ходил по городу взволнованный и возбужденный.

— Знаете, — отдаваясь воспоминаниям об этих днях, говорил он, — нет большей радости, чем та, когда достигнешь берега, к которому стремишься.

Золотые слова! Они о многом говорят. В них, как в капле воды, отражается все богатство внутреннего мира простого советского человека, для которого достижение намеченной цели является высшим законом жизни.

Каждый день приносил новые заботы. Трамвай уже ходил по обеим центральным магистралям — от Московских ворот до Херсон-

ских шпалей. Пошли первые вагоны на вокзал. Восстановился путь на Барышевку. Все это давалось с большим трудом, но эти трудности были для старого мастера источником неиссякаемой энергии. Люди, работавшие бок о бок с Калущким, заражались оптимизмом старого мастера, старались перенять привычки его работы. Сам Калущкий охотно делился своими знаниями, накопленным опытом. Виктор Мишук вырос до бригадира воздушной сети, а его второй помощник — бывший работник охраны Иван Болдырев стал опытным электромонтером. Выученики Никиты Егоровича работают не только в трампарке. Их можно встретить и на ЦЭС и на предприятиях других городов. Многие из них стали инженерами, такими же мастерами, как и их старый учитель. Часть питомцев Никиты Егоровича ушла с первых же дней войны на фронт.

Совсем недавно, перед концом войны, он получил письмо от своего бывшего ученика электромонтера Бобрышева, ныне авиатехника. «От всей души, — пишет воин, — благодарю вас, дорогой Никита Егорович, за то, что вы воспитали во мне смелость, решительность, аккуратность. Эти качества мне пригодились на войне».

Рассказывая об этом письме, Калущкий несколько смущенно говорит:

— Знаете, этот паренек меня перебрал. Собственно я тут не при чем. Ведь мы, воздушники, работаем всегда под током. Малейшая неосторожность, — и дело может кончиться плохо. Так что, знаете, сама работа требует аккуратности, решительности, смелости.

В этих словах сказались во всей своей красоте скромность простого советского гражданина, именно та скромность, которая в короне человеческих качеств сверкает как самый драгоценный камень.

В приемной первого секретаря Кореневского райкома партии толпится народ — председатели сельских советов, секретари первичных парторганизаций. Их вызвали на заседание бюро к десяти утра. Ждали они долго — заседание бюро открылось в первом часу.

Первым вопросом на повестке дня стоял доклад председателя исполкома райсовета т. Пересыпкина о том, как выполняется решение СНК СССР «О дополнительных мероприятиях по восстановлению и развитию сельского хозяйства в Курской области». Вопрос отложили, так как не явился докладчик. Тогда начали с утверждения кадров, хотя в повестке дня этого вопроса не стояло. Было ясно, что члены бюро не дорожат временем. 40 минут они слушали рассказ председателя Обуховского сельсовета тов. Бейдина, пространно повествовавшего о том, что он единственный человек в селе, который беспокоится о благополучии колхозов. А когда спросили, почему в сельсовете поднято только 40 гектаров паров из плана 450 га, то т. Бейдин не нашел, что ответить. В третий раз почему-то утверждали председателя Крестьянского сельсовета т. Бородину, хотя совсем недавно этот вопрос уже стоял на бюро.

В комнату, где заседало бюро, вошел инвалид Отечественной войны т. Трусов. Он стал рассказывать, как председатель колхоза им. М. Лотова Авраменко и завхоз Коженко прятали колхозные плуги, чтобы потом продать их колхозу. На заработанные «легким» способом девять пудов ржи Авраменко купил себе гармошку. Председатель колхоза «Большевик» Красников (по примеру Авраменко) продал завхозу за 8 пудов ржи 4 колеса от колхозной телеги. Около часа слушали члены бюро рассказы тов. Трусова об этих безобразных фактах, но восприняли их спокойно, как будто все это случилось не у них в районе, а где-то за тридевять земель.

После перерыва приступили к разбору второго вопроса повестки дня — о состоянии агитационно-массовой работы среди трактори-

стов Снагостской МТС. Оказалось, что вопрос никто не готовил, положение дел в МТС никому не известно, обсуждать вопрос нет смысла. Но члены бюро на всякий случай все же записали: «отметить, что директор МТС т. Синельников и секретарь партганизации Бизюк проваливают подьем паров и не делают из этого для себя никаких выводов».

Время близилось к обеду, и члены бюро стали торопиться. Вопросы о сеноуборке в колхозах Кореневского и Пушкарского сельсоветов и о ходе вспашки паров в Любимовском и Гордеевском сельсоветах решили слушать «завтра». Правда, произошла небольшая заминка. В приемной сначала не оказалось докладчиков, затем куда-то отлучились содокладчики, но вскоре тех и других разыскали, и заседание бюро продолжалось.

Выступления председателей сельсоветов Чеховского и Крюкова были краткими. Они заявили: «К сеноуборке мы еще не приступили». Самойлов и Недбаев много и красочно говорили о значении вспашки пара для будущего урожая, приводили примеры, доказывающие правильность этого утверждения, но когда их спросили, почему в Любимовском совете поднято всего-навсего 90 га пара, а в Гордеевском и того меньше, то они стали говорить о «непреодолимых» трудностях работы на колхозах, о заросших площадях и т. д. С длинными речами выступили члены бюро. Каждый в своем стиле накапливал «неповоротливых», «неисполнительных», «спокойных и беспечных» докладчиков и содокладчиков. Говорить устали, а решения так и не приняли, потому что о проекте решения до бюро никто не позаботился.

Пятый вопрос «О ходе вспашки паров в массиве Крестьянской МТС» с повестки дня сняли, т. к. докладчик директор МТС т. Реваин и содокладчик зав. райзо т. Земляной на бюро не явились. Уже в 7 часов вечера вторично сняли с повестки дня первый вопрос. За это решение голосовал и сам докладчик т. Пересыпкин.

Не закрыв официально заседания, члены бюро разошлись по домам со спокойной совестью. День прошел, заседание провели! А есть ли польза от него — это никому не тревожило.

Заседание бюро райкома — ответственное дело, оно решает важные вопросы руководства районом, и поэтому каждому бюро должна предшествовать упорная и кропотливая работа. Этой элементарной истины, видимо, не усвоили в Коренево.

П. СИНИЦЫН,
инструктор обкома ВКП(б).

Так заседают в Коренево

ЗАВОД СТАЛ ПРИБЫЛЬНЫМ

Больше-Троицкий район утопает в садах. Сады в этом году обещают обильный урожай, и мы готовимся дать трудящимся много хороших продуктов: варенье, джем, повидло, вино и т. д.

В прошлом году наш завод работал плохо. Мы выполнили план только на 49 проц. Причиной была в том, что при существовавшей

системе повременной оплаты труда у рабочих не было заинтересованности в высокой производительности.

Теперь на заводе введен нормированный труд. Каждый рабочий имеет норму выработки и, соревнуясь с другими, старается сделать больше и лучше. Особенно хорошо работает варенье-вароч-

ный цех (мастер т. Поллиничко), в котором большинство рабочих — стахановцы.

Шестимесячную программу этого года завод перевыполнил, дав государству более 65 тысяч рублей прибыли.

С. ДЗЮБА,
директор Больше-Троицкого плодоягодного завода

ФЕЛЬЕТОН

ДЕЛАЙТЕ ЛЮДЯМ ХОРОШЕЕ!

На днях в Курске шел проливной дождь, и зрители, столпившись после сеанса у выхода из кино «Смена», ожидали, пока он прекратится. У всех было то доброе настроение, которое появляется всегда после хорошей картины. Хотелось говорить всем что-то приятное, хотелось улыбаться и думать только о прекрасном. И вдруг раздался грубый голос:

— Выходите! Чего столпились! Сеанс окончен!

Люди оглянулись, и улыбки спорхнули с лиц. Перед ними стоял свирепый служитель кино и грозил всех немедленно выбросить на улицу. Нет, уже не хотелось думать о прекрасном. Смирное лицо не вызвало приятных слов.

Увидев, что люди вовсе не собираются подставлять себя под дождь, служитель объявил, что ушел за милицией.

Он явился торжествующий в сопровождении девушки в милицмейской форме. Энергичными движениями они стали вытравливать зрителей на улицу, где дождь лил так, будто все водопроводчики мира решились в одну минуту выполнить свои столетние планы.

Справедливость восторжествовала через 10 минут. Зрители позвали директора. Он разрешил им пе-

реждать дождь, а свирепый служитель, ворча, удалился в свою конторку, бросив на всякий случай:

— Хорошо, стойте. Сейчас оштрафую всех! Ишь вы какие! Что произошло, товарищи? Мелочь... пустяшный случай, непредусмотренный ни одной статьей уголовного кодекса. А вместе с тем, друзья, поразмыслим над этим случаем: один грубиян в минуту испортил сотне людей хорошее настроение. Зачем он это сделал? Зачем понадобилось ему выгонять людей на дождь? Разве не за тем ходят люди в кино, чтобы получить удовольствие? И разве служители кино не для того служат, чтобы это удовольствие зрителей сделать наиболее полным?

Мы убеждены, что и свирепый служитель и девушка-милиционер, выгоняя людей под ливень, действовали вполне уверенные в том, что выполняют какую-то важную и нужную работу. Но это было не так. Это было совсем не так, потому что они старались для совершенно дикого и унижающего дела. И именно это и вызывает грустные мысли — почему еще встречаются у нас в различных учреждениях, в мастерских, в магазинах люди, поставленные специально за тем, чтобы

делать для всех нас приятные вещи, но поступающие совсем наоборот...

Им кажется, этим деревянным людям, что если они посажены на какой-нибудь стул, возле какого-нибудь стола, то обязательно должны что-то такое запрещать, как-то мешать людям, зачем-то заставлять их ждать, кому-то говорить неприятное, т. е. делать как раз обратное тому, что нужно на самом деле.

17 июля в областное отделение банка вошел за пенсией капитан К., дважды орденосец, инвалид войны. Он сдал документы, и рассказавшая девица буркнула ему: «Подождите». Прошло 20 минут. В банке не было ни одного стула, и капитану трудно, почти невозможно было стоять на косячках. Он снова обратился к девице. И та, даже не взглянув на него, крикнула: «Ожидайте, пока вызовут». Прошло еще 20 минут, капитану стало невозможно, и он сказал: «Верните документы, я приду в другой раз». Девица подняла на него изумленное лицо и бросила: — Вы что, порядка не знаете?

Как и в кино, справедливость здесь тоже восторжествовала. Капитан пожаловался управляющему и тотчас же получил свои деньги. Но ведь все могло быть иначе! Служитель мог бы вежливо предложить капитану стул. Девица могла быстро выдать ему пенсию, и капитан, поблагодарив ее за учтивость, вышел бы из банка,

насытившись какой-нибудь вешеленький мотивчик.

Это могло быть, если бы девица знала, чувствовала, что она затем и сидит, чтобы людям, посетителям было хорошо и удобно.

Но ей-ей, друзья, как часто у нас забывают об этом. Вы заходите в часовую мастерскую и на вас кричат так, как будто не они обязаны чинить вам часы, а вы им чем-то обязаны. Вы приходите к хозяйственнику — деловому, хлопотливому человеку, просите у него пустяк, какую-нибудь там, чорт возьми, вязанку дров, и несмотря на то, что у него есть эти дрова, и припас-то он их для того, чтобы выдать вам, но прежде чем это сделать он столько раз вам отказывает, так кряхтит и морщится, что вы начинаете чувствовать себя злодеем, покушающимся на все дрова мира.

У нас много говорят о дисциплине в аппарате. Строго спросят, если служащий опоздает на 10 минут. Но во всех ли организациях, обслуживающих трудящихся, существует настоящее понимание того, что не клиенты созданы для учреждения, а наоборот — оно для них. Везде ли принимают общественные организации и принимают каждому служащему то чуткое, уважительное отношение к людям, которое, собственно, и составляет нашу советскую мораль? Вот перед нами письмо из Суджи. Н. Г. Журавлева пишет о том, что у них в семье большая радость — отыскался любимый

брат — танкист, которого они долго считали погибшим. Но эта радость омрачена деревянным человеком. Письмо брата было получено в Суджанском паспортном столе 3 июня. И несмотря на то, что от паспортного стола до квартиры Журавлевой рукой подать, рука деревянного человека протянулась к ним только через полтора месяца! Полтора месяца семья не подозревала о том, что рядом в каком-то столе лежит такое радостное известие. Журавлева пишет, что задержавшая письмо сотрудница Таланова «далека от мысли, что значит ожидание матерью сына, что значит пролить море слез от тоски и горя. Материнских слез!».

В этом и дело! Деревянный человек далек от мыслей о чувствах тех людей, которых он должен обслуживать. Перед ним письмо — не человеческий документ, а лишь входящая бумажка.

А ведь согласитесь, как было бы хорошо, если б Таланова, получив письмо, тотчас же разыскала мать танкиста, обрадовала бы ее и сама порадовалась бы ее счастью.

Но для этого нужно одно: не быть деревянным человеком! Уважать людей, любить их, чувствовать себя на службе у них, изо всех сил стараться сделать им хорошее!

Давайте, все будем такими, товарищи!

Г. РАДОВ.